

А. В. ТОРКУНОВ

ИСТОКИ (ГИПОТЕТИЧЕСКОЙ) РОССИЙСКОЙ ШКОЛЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XIX ВЕКЕ

Статья посвящена поиску истоков формировавшейся самобытной школы международных отношений в России в конце XIX – начале XX в. Такие истоки видятся, во-первых, в стремительном развитии военной стратегии и географии в Российской империи, а во-вторых, в бурной общественно-политической дискуссии о вариантах внешнеполитического развития Российского государства в описываемый период. Можно предположить, что на пересечении этих двух трендов в первой половине XX в. могла зародиться уникальная российская школа международных отношений, которая заняла бы важное место в ряду других национальных традиций – англосаксонской, немецкой, французской и др. Однако ее естественное развитие было прервано драматическими событиями XX века, и теперь можно только догадываться, на какие ракурсы мировой политики такая школа могла бы обратить свое внимание.

Ключевые слова: *российская школа международных отношений, военная стратегия, военная география, западничество, евразийство*

В современном мире международные отношения и внешняя политика государства благодаря развитию информационных технологий перестали быть чем-то далеким и таинственным. Обыватель ежедневно узнает бесчисленные цифры, факты и оценки международной обстановки, в результате чего почти каждый может составить собственное мнение о природе и сущности мировой политики. Потому всё чаще приходится сталкиваться с позициями, предполагающими, что межгосударственные отношения являются случайным результатом сиюминутной политической конъюнктуры, психологических установок лидеров, ситуации на рынках товаров и услуг или чего-то еще в этом роде. Соответствующий интерпретационный фон усиливает в массовом сознании тренд в понимании международных отношений как сферы хаотических взаимодействий, не обладающих внутренней структурой и закономерностями, а значит, не подлежащий анализу и прогнозированию.

Вместе с тем, в последнее столетие международные отношения стали полноценной научной дисциплиной, в которой сложились свои концепции, теории и школы. Их можно распределить на три кластера. В первом – истории международных отношений – внешняя политика государств понимается через их прошлое, когда современные проблемы являются, прежде всего, результатом неразрешенных коллизий в прошлом. Во втором – теории/социологии) международных отношений – характер поведения государства на международной арене определяется внутренней политической, социально-экономической и культурно-цивилизационной спецификой страны. Наконец, в третьем – географии

международных отношений – логика поведения страны на международной арене определяется ее географическим положением. Всё это формирует междисциплинарный характер науки о международных отношениях – на стыке истории, обществознания и географии. Для стереоскопического представления о международной системе необходимо понимание трех парадигм, однако научное знание продолжает развиваться отдельно в каждой из этих школ.

Российская школа международных отношений традиционно является исторической, что было предопределено как ее генезисом из истории внешней политики государства, так и идеологизированным путем развития общественных наук в XX в. в нашей стране. В то же время, западные школы международных отношений – преимущественно обществоведческие. Это привело нас к такому казусу, когда, развивая политологический подход к данной сфере, наши ученые вынуждены заимствовать значительные наработки у западных коллег. Иногда из этого делается неверный вывод о том, что и теория международных отношений является «прозападной» дисциплиной, которую не стоит развивать на российской почве. Помимо того, что, как известно, наука не имеет национальности, против данной позиции есть и другой аргумент: системный подход к пониманию международных процессов зародился далеко не только на Западе. На излете истории Российской империи формировалась самобытная, но в то же время не оторванная от мировой науки школа изучения международных процессов. И это не позволяет считать теорию международных отношений исключительно англосаксонским детищем. Некоторым идеям, зародившимся в рамках этой парадигмы в России, и посвящена эта статья.

В современном мире считается, что факторами, определяющими внешнеполитическую линию государств, являются политический и экономический. Однако во времена зарождения международных исследований как самостоятельной дисциплины таким ведущим фактором считался географический. Соответственно, у теории международных отношений и геополитики как научных направлений была общая колыбель. Российская же географическая школа международных отношений была бы вероятно невозможна без традиций исследований в области военной географии. Поэтому по меньшей мере одним из ключевых истоков российской науки о внешней политике следует считать работы профессора Академии Генштаба П.А. Языкова «Опыт теории военной географии» (1837) и «О ходе и развитии теории стратегии» (1839)¹ и его ученика, военного министра Д.А. Милютин «Критическое исследование военной географии и военной статистики» (1846)². Называя то,

¹ Языков 1838.

² Милютин 1846.

что мы сегодня понимаем под политической географией, военной статистикой, Милютин, по современным оценкам, впервые в мировой науке предложил системный подход к учету внешних (в том числе про-странственных факторов) к пониманию стратегии государства.

Выдающимся учеником и последователем Милютина был А.Е. Снесарев. По мнению некоторых современных исследователей, в своих многочисленных трудах о Средней Азии и в классическом учебнике по военной географии³ он даже предвосхитил появление двух ключевых идей основоположников политической географии: шведа Р. Челлена о ключевых элементах могущества государства⁴ и британца Х. Маккиндера о конфигурации планеты, предполагающей особую роль Центральной Азии в мировой политике (теория хартленда)⁵.

Академическая дискуссия с зарубежными теориями мирового могущества не ограничивалась, конечно, военно-стратегическими исследованиями. Сын великого русского путешественника П.П. Семенова-Тян-Шанского Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский⁶, например, представил широко аргументированную критику теории А.Т. Мэхэна о неизбежном противоборстве морских и сухопутных держав в мире, вытекающем из геологической структуры Земли. Тем самым были поставлены под сомнение разработки британской и германской реалистских школ геополитики, опиравшихся на аксиому американского адмирала. Другой родственник известного русского ученого – брат И.И. Мечникова Лев Ильич Мечников, выделив причины возникновения мировых цивилизаций, обобщив их типологию и проследив динамику мирового политического процесса в логике противоборства цивилизаций, задолго до А. Тойнби и О. Шпенглера сформулировал основы цивилизационной школы в международных исследованиях⁷.

Другим не менее важным источником будущей русской школы международных отношений следует признать укорененную традицию социально-философской полемики о судьбе Родины и ее мирополитических ориентирах. Можно сказать больше: традиционный спор о соотношении России с Европой и, возможно, вытекающей отсюда цивилизационной идентичности и внешнеполитической стратегии является ключевой дихотомией становления российских международных исследований. И до сих пор исследовательское поле российской науки о международных отношениях в значительной части структурируется в зависимости от того, как представители различных течений отвечают на вопрос, следует ли считать Россию частью Европы или нет.

³ Снесарев 1906; 2011.

⁴ Якунин, Зеленов, Зеленева 2008. С. 198.

⁵ Рябцев 2018. С. 362-391.

⁶ Семенов-Тян-Шанский 1915.

⁷ Мечников 1898.

Эту традицию можно отсчитывать даже с концепции «Москва – Третий Рим» Филофея Псковского или переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским. Но предметно структурировалась эта дискуссия именно в середине XIX в. Двумерное представление данного диспута в формате спора «западников» (П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, К.Д. Кавелин, Н.В. Станкевич, Н.П. Огарев, П.В. Анненков, В.Г. Белинский, И.С. Тургенев и др.) со «славянофилами» (А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский и др.) представляется нам чрезмерно упрощающим сложную палитру тогдашних мнений и позиций. В частности, невозможно отнести ни к одному лагерю выдающегося русского дипломата и мыслителя А.М. Горчакова. Развивая эту мысль, А.П. Цыганков предлагает свою версию членения русской политической мысли – «западники», «державники» и «третьеримцы» – подчеркивая при этом идейную неоднородность внутри каждой из этих «школ»⁸. Именно на стыке двух тенденций – успехов в развитии военной стратегии и широкой общественно-политической дискуссии о будущем страны – появляется плеяда авторов, которых можно считать предтечами российской школы международных отношений – Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев и Г.Н. Трубецкой.

Наибольшую известность в свое время Н.Я. Данилевскому принесли его разработки в области пространственных предпосылок территориальной экспансии России на Балканы с последующим созданием Всеславянской конфедерации со столицей в Константинополе. Эти идеи структурно созвучны планам мирного переустройства политической карты мира, скажем, Р. Челлена или К. Хаусхофера, и в таком смысле и по отношению к ним справедлива критика классической геополитики с ее социал-дарвинизмом и географическим детерминизмом.

Однако нынешний ренессанс интереса к Данилевскому связан с другим. В своих построениях о глубинных противоречиях в отношениях России и Европы он отошел от реалистской парадигмы, характерной для его времени, с приматом рационального выбора в формировании национальных интересов, и предложил почти конструктивистскую трактовку закономерностей международных отношений. Россию и Европу, оказалось, разделяют не интересы, а почти противоположные культурно-цивилизационные типы. И даже больше: Европа в понимании себя противопоставляет себя России, а Россия – Европе, создавая противоречие, не разрешаемое даже сходностью целей в политике⁹. Эту мысль развивал и К.Н. Леонтьев, предполагавший, что византийское наследие не стало объединяющим началом для России и Европы, а, наоборот, было

⁸ Цыганков 2013.

⁹ Данилевский 2008.

осмыслено как антагонистическое Западу, благодаря чему у России появились основания ощущать себя отдельной цивилизацией¹⁰.

Еще дальше продвинулся Г.Н. Трубецкой. В книге «Россия как великая держава» он не только постулирует основы некоей стратегии, но, что нам важнее, на базе детального анализа соотношений потенциалов в железнодорожном транспорте фактически подводит к будущей неореалистской теории баланса сил, в которой устойчивость и развитие международной системы обеспечиваются балансом не столько национальных интересов, сколько сил безопасности соперничающих стран¹¹.

Именно эти размышления основоположников русского евразийства, а не просто их геостратегические моделирования, и позволяют нам считать их предтечами гипотетической самобытной российской школы международных отношений.

Даже беглый взгляд дает основания полагать, что соединение академических разработок школы военной и политической географии с философскими изысканиями русских мыслителей породило бы в XX веке самостоятельную российскую школу международных отношений. Это видно и по развивавшейся в эмиграции в 1920-1930-е годы (в первую очередь, в Софии, Праге, Берлине и Париже) школы т.н. евразийцев – Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Вернадского и др.

Их идеи не были адекватно переосмыслены ни на Родине, ни на Западе. Это поколение осталось тупиковой ветвью русской философии. Попытки воскресить евразийство в XXI в. оказались идеологизованными, далекими от академических стандартов, не учитывали прогресса, совершенного международной наукой, и потому подвергаются обоснованной критике и даже остракизму¹².

И всё же интересно задаться вопросом – если бы течение истории изменило свой ход и Россию и не потрясли события, приведшие к демонтажу традиционной государственности и утрате большей части интеллектуальной элиты – стала бы российская школа международных отношений уникальной в череде других национальных традиций: англосаксонской, немецкой, французской...? И главное, если предположим, что стала бы, в чем мог состоять потенциал ее самобытности, в какой ипостаси она могла обогатить мировую науку?

Попробуем провести параллели с русской культурой, которая к началу минувшего века успела занять место среди великих национальных культур. Безусловно, соответствующие феномены есть часть общей европейской художественной традиции. Но нельзя не отметить,

¹⁰ Торкунов 2017. С. 353–375.

¹¹ Трубецкой 1910. С. 21-139.

¹² Окунев, Кучинов 2013.

что в их становлении отразились черты уникальности, специфические и порой едва уловимые черты того, что именуют русской цивилизацией. Именно благодаря этим последним русская литература, русская музыка считаются отдельными вехами в развитии западного искусства. Вероятно, это могло бы ждать и российскую школу международных отношений, зарождавшуюся на изломе веков.

Продолжая эту линию размышлений, попробуем предположить, что российская школа международных отношений, выпестованная к тому же традициями особого феномена – русской интеллигенции, – могла добавит к западным школам, например, психологизм, то есть внимание к личностным и духовным аспектам мировой политики. Это движение, вероятно, оказалось бы в струе будущего французского структурализма и иконографии, что привело бы к расцвету конструктивистской школы задолго до ориентализма Э. Саида. К другому варианту подталкивает тяготение русской культуры начала XX века к авангардизму и символизму. Не случайно в последние годы российские теоретики международных отношений все чаще говорят о присутствии в истории некоего иррационального начала, которое воздействует на нее через элемент случайности, и о синергии хаоса или «природно-стихийном начале», которое воздействует на историю независимо от воли людей¹³. Вероятно, влияние этих направлений на международные исследования позволило бы быстрее отойти от линейной трактовки мирового прогресса, еще долго доминировавшего в школах модерна и позитивизма на Западе.

Таким образом, есть основания полагать, что динамичное развитие российской школы международных отношений могло бы сделать науку о международных отношениях менее европоцентричной и обратило бы ее внимание на незападные паттерны развития раньше, чем это произошло с приходом постколониализма и субалтернизма вместе с деколонизацией Востока.

Кто-то отнесет эти построения к «снам международника», сочтет неуместными фантазиями. Что ж, мне тоже никогда не удавалось постичь всей глубины мысли, заключенной в сакраментальной формуле, согласно которой история не имеет сослагательного наклонения.

К сожалению, в естественный ход развития русской школы международных отношений вмешалась разрушительная сила революции. И сегодня эта школа воссоздается фактически заново, с опорой на теоретические разработки других национальных школ, но и с пониманием собственной традиции и национальных корней.

¹³ См., напр.: Современные глобальные проблемы... С. 19.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Составление и комментарии Ю.А. Белова. М.: Институт русской цивилизации, 2008. [Danilevskiy N.YA. Rossiya i Yevropa / Sostavleniye i kommentarii YU.A. Belova. M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2008]
- Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория развития современных обществ / Пер. с фр. М.Д. Гродецкого. СПб.: Редакция журнала «Жизнь», 1898. [Mechnikov L.I. Tsivilizatsiya i velikiye istoricheskiye reki. Geograficheskaya teoriya razvitiya sovremennykh obshchestv s fr. M.D. Grodetkiy. SPb.: Redaktsiya zhurnala «Zhizn», 1898]
- Милютин Д.А. Критическое исследование военной географии и военной статистики. СПб.: Военная типография, 1846. [Milyutin D.A. Kriticheskoye issledovaniye voyennoy geografii i voyennoy statistiki. SPb.: Voyennaya tipografiya, 1846]
- Окунев И.Ю., Кучинов А.М. Сопряжение пространства и власти: Многообразие ликов современной геополитики // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 3-4 (34-35). С. 74-84. [Okunev I.YU., Kuchinov A.M. Soputstvuyushcheye prostranstvo i vlast': Mnogoobraziye likov sovremennoy geopolitiki // Mezhdunarodnyye protsessy. 2013. T. 11. № 3-4 (34-35). S. 74-84]
- Рябцев В.Н. Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы. М.: АИРО, 2018. С. 362-391. [Ryabtsev V.N. Iz istorii geopoliticheskoy mysli v Rossii. XX vek: maloizvestnyye stranitsy. M.: AIRO, 2018. S. 362-391]
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии. Пг., 1915. [Semenov-Tyan-Shanskiy V.P. O mogushchestvennom territorial'nom vladenii primenitel'no k Rossii. Ocherk ofitsial'noy geografii. Pg., 1915]
- Снесарев А.Е. Введение в военную географию. М.: ЦентрИздат, 2011. [Snesarev A.Ye. Vvedeniye v voyennuyu geografiyu. M.: Tsentrizdat, 2011]
- Снесарев А.Е. Индия, как главный фактор в среднеазиатском вопросе. Взгляд туземцев Индии на англичан и их управление. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1906. [Snesarev A.Ye. Indiya, kak glavnyy faktor v sredneaziatskom voprose. Vzglyad tuzemtsev Indii na anglichan i ikh upravleniye. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina, 1906]
- Современные глобальные проблемы / Отв. ред. В.Г. Барановский, А.Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2010. С. 19. [Sovremennyye global'nyye problemy / Отв. red. V.G. Baranovskiy, A.D. Bogaturov. M.: Aspekt-Press, 2010. S. 19]
- Торкунов А.В. Константин Леонтьев. Философ на дипломатическом поприще // Торкунов А.В. По дороге в будущее – 2,5 / 3-е изд., доп. и перераб. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 353–375. [Torkunov A.V. Konstantin Leont'yev. Filosof na diplomaticheskome poprishche // Torkunov A.V. Po doroge v budushcheye - 2,5 / 3-ye izd., Dop. i pererab. M.: Aspekt Press, 2017. S. 353-375]
- Трубецкой Г.Н. Россия как великая держава // Великая Россия: сборник статей по военным и общественным вопросам. В 2 т. М., 1910–1911. Кн. 1. 1910. С. 21-139. [Trubetskoy G.N. Rossiya kak velikaya derzhava // Velikaya Rossiya: sbornik statey po voyennym i obshchestvennym voprosam. V 2 t. M., 1910–1911. Kn. 1. 1910 g. S. 21-139]
- Цыганков А.П. Международные отношения: традиции русской политической мысли. М.: Инфра-М, 2013. [Tsygankov A.P. Mezhdunarodnyye otnosheniya: traditsii russkoy gosudarstvennoy mysli. M.: Infra-M, 2013]
- Языков П.А. Опыт теории военной географии, с приложением к избранию пунктов, для сооружения крепостей предназначаемых. СПб.: Типография А. Воейкова и К°, 1838. [Yazykov P.A. Opyt teorii voyennoy geografii, dlya sooruzheniya krepostey prednaznachennykh. SPb.: Tipografiya A. Voyeykova i K°, 1838]
- Якунин В.И., Зеленов Е.И., Зеленева И.В. Российская школа геополитики. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 198. [Yakunin V.I., Zelenev Ye.I., Zeleneva I.V. Rossiyskaya shkola geopolitiki. SPb.: SPbGU, 2008. S. 198]

Торкунов Анатолий Васильевич, академик РАН, доктор политических наук, профессор, ректор МГИМО; Московский государственный институт международных отношений (университет); rectorat@immo.mgimo.ru

The origin of the Russian School of International Relations in the 19th century

The article looks into the origin of a distinctive School of International Relations in Russia in the late 19th – early 20th c. Its emergence can be seen firstly in the rapid development of military strategy and geography in the Russian Empire; and secondly in the turbulent social and political debate about the options for the development of the Russian foreign policy in the period described. It can be assumed that the intersection of these two trends in the first half of the 20th century could create a unique Russian School of International Relations, which would occupy an important place alongside other national traditions – Anglo-Saxon, German, French, etc. However, its natural development was interrupted by the dramatic events of the beginning of the 20th century. Now, one can only guess what facets of world politics such a school could turn its attention to.

Keywords: theory of international relations, Russian school of international relations, military strategy, military geography, Westernism, Eurasianism

Anatoly V. Torkunov, Doctor of Political Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Rector of MGIMO-University; MGIMO-University; rector-rat@inno.mgimo.ru